

С В Е Т Л Я Ч О К

3
класс

УНИВЕРСАЛЬНАЯ ХРЕСТОМАТИЯ

2-е издание, исправленное и дополненное

Москва

УДК 373.3:82
ББК 83.3я71
У59

У59 **Универсальная** хрестоматия : 3 класс. — 2-е издание, исправленное и дополненное. — Москва : Эксмо, 2026. — 384 с. — (Светлячок. Хрестоматии).

ISBN 978-5-04-244889-8

Универсальная хрестоматия для 3 класса включает в себя произведения устного народного творчества, сказки русских и зарубежных писателей, стихотворения и прозу отечественных классиков. Кроме того, в хрестоматии имеются краткие биографические сведения и интересные факты из жизни любимых детских писателей.

Хрестоматия формирует и закрепляет навыки работы с текстом, способствует улучшению техники чтения, литературному и творческому развитию учащихся. Издание предназначено для подготовки к урокам чтения.

УДК 373.3:82
ББК 83.3я71

ISBN 978-5-04-244889-8

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

**ВСТНОЕ
НАРОДНОЕ
ТВОРЧЕСТВО**

ДОКУЧНЫЕ СКАЗКИ

ЖИЛИ-БЫЛИ ДВА БРАТА

Жили-были два брата, два братца — кулик да журавль. Накосили они стожок сенца, поставили среди поля. Не сказать ли сказку опять с конца?

ЖИЛ-БЫЛ СТАРИЧОК

— Жил-был старичок. Поехал на мельницу намотать муки...

— Ну вот, поманил, а не рассказываешь!

— Кабы доехал, рассказал, а он, может, неделю проедет!

ПРИШЁЛ МЕДВЕДЬ К БРОДУ

Пришёл медведь к броду,
Бултых в воду!
Уж он мок, мок, мок,
Уж он кис, кис, кис,
Вымок, выкис, вылез, высох.
Встал на колоду —

Бултых в воду!
Уж он мок, мок, мок...

МЫ С ТОБОЙ ШЛИ?

- Мы с тобой шли?
- Шли!
- Сапог нашли?
- Нашли!
- Я тебе его дал?
- Дал!
- Ты его взял?
- Взял!
- А где же он?
- Кто?
- Да не кто, а что!
- Что?
- Сапог!
- Какой?
- Ну такой! Мы с тобой шли?
- Шли!
- Сапог нашли?
- Нашли...

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

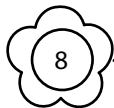
Жаворонки, жавороночки,
Прилетите к нам.
Принесите нам лето тёплое,
Унесите от нас зиму холодную
Нам холодная зима наскучила,
Руки, ноги отморозила.

Солнышко, покажись,
Красное, снаряжись!
Чтобы год от года
Давала нам погода
Тёплое летечко,
Грибы в берестечко,
Ягоды в лукошко,
Зелёного горошка.

Из-за лесу, лесу тёмного,
Из-за гор ли, гор высоких,
Летит стадо лебединое,
А другое — гусиное.
Отставала лебёдушка
Что от стада лебединого,
Приставала лебёдушка
Как ко стаду ко серым гусям.

Начали её гуси щипати,
А лебёдушка кликати:
— Не щиплите, гуси серые,
Не сама я к вам залетела,
Занесло меня погодою,
Что великою невзгодою.

Как на тоненький ледок
Выпал беленький снежок.
Выпал беленький снежок.
Ехал Ванюшка-дружок.
Ваня ехал, поспешал,
Со добра коня упал.
Он упал, упал, лежит —
Никто к Ване не бежит
Две девушки увидали,
Прямо к Ване подбежали,
Прямо к Ване подбежали,
На коня Ваню сажали.
На коня Ваню сажали,
Путь-дорогу показали.
Путь-дорогу показали
Да наказывали:
«Как поедешь ты, Иван,
Не зевай по сторонам!»

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

КОМУ ГОРШОК МЫТЬ

Муж с женой были такие ленивые, что и сказать нельзя: дверь с вечера в сенях не запирали на засов.

— Вечером запирай, а утром открывай — одна морока! — говаривали они.

Как-то раз сварила жена кашу, сдобрила маслом. Кашу съели, и говорит хозяйка:

— Я кашу варила, а тебе, мужик, горшок мыть!

— Полно глупости болтать, — отвечает муж, — мужское ли дело горшки мыть. Вымоешь сама.

— И не подумаю, — сказала жена.

— И я не стану, — супротивится мужик.

— А не станешь — так пусть горшок хоть век немытый стоит!

Простоял горшок немытый до вечера. Снова говорит мужик:

— Баба, а баба! Надо бы горшок-то вымыть.

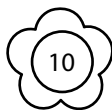
Взвилась жена вихрем:

— Сказала — твоё дело, вот ты и мой!

— Ну вот что! Пусть будет не по-твоему, не по-моему. Уговоримся так: кто завтра первое слово скажет — тому и горшок мыть.

— Ладно, ложись спать — утро вечера мудренее.

Легли спать. Баба на лавке, мужик на печи.

Поутру ни тот, ни другой не встают, лежат каждый на своём месте, не шевелятся, молчат.

Соседи давно коров подоили, и пастух угнал стадо. Соседки толкуют меж собой:

— Чего это Маланья нынче припозднилась? Корову не выгоняла. Уж не приключилось ли чего у них? Надо бы проведать!

Покуда так судили-рядили, одна соседка шасть к ним. Стукнула в окошко раз, другой, никто не отзывается. Она на двор да в избу, благо дверь не заперта на засов.

Вошла и видит: хозяйка лежит на лавке.

— Чего лежишь-то?

А Маланья лежит, глазами по избе шарит, а не шевелится и ответу не подаёт...

Глянула соседка на печь, а там хозяин лежит, глаза открыты, а ни рукой, ни ногой не шевелит и молчит.

Всполошилась соседка:

— Да что это у вас тут деется?!

Кинулась прочь из избы, а на улице заголосила:

— Ой, тошенько! Ой, люди добрые! Да что это творится-то тут!

И принялась рассказывать соседкам:

— Одна на лавке, а другой на печи лежат, зенками¹ ворочают, а сами не шевелятся и голосу не подают!

¹ Зѣнки — (устар.) глаза.

Сбежались бабы в Маланьину избу. Глядят то на Маланью, то на хозяина:

— Что с вами? Может, за фершалом аль за попом послать?

Молчат хозяева, будто воды в рот набрали, глядят во все глаза, а не шевелятся и голосу не подают.

Поговорили, посудачили между собой соседки, да не век толочься в чужой избе, у каждой свои дела. Стали расходиться. А одна и промолвила:

— Бабоньки! Негоже их одних-то оставлять. Надо кому-нибудь побыть с ними, покараулить, пока десятский да фершал не придут. Видно, уж не жильцы они, бедные, на этом свете!

Проговорила так, а бабы все к двери да прочь из избы.

— Ой, у меня тесто из квашни уйдёт! — кричит одна.

— А у меня дети малые ещё не кормлены! — спохватилась другая.

— А меня хоть озолотите, не останусь одна с ними — боязно одной-то, бабоньки!

— Ну ладно: уж коли так, делать нечего, посижу с ними я, — проговорила кривая бобылка. — Люди они были хорошие, хоть и ленивые. Ступайте да поторопите десятского. А мне за то хоть вот Маланьин кафтанишко не пожалейте, бабы, отдать. Ей всё одно уже не нашивать...

— А ты не зарься на чужое добро! — вскричала Маланья и вскочила с лавки. — Не тобой справлено, не тебе и носить мой кафтан!

В ту же минуту муж тихонько ноги с печи спустил и говорит:

— Ну, Маланья, ты первая заговорила, тебе и горшок мыть!

Соседки остолбенели, а опомнившись, плюнули да и вон из избы.

КАК МУЖИК ГУСЕЙ ДЕЛИЛ

У одного бедного мужика не стало хлеба. Вот он и задумал попросить хлеба у барина. Чтобы было с чем идти к барину, он поймал гуся, изжарил его и понёс. Барин принял гуся и говорит мужику:

— Спасибо, мужик, тебе за гуся; только не знаю, как мы твоего гуся делить будем. Вот у меня жена, два сына да две дочери. Как бы нам разделить гуся без обиды?

Мужик говорит:

— Я разделю.

Взял ножик, отрезал голову и говорит барину:

— Ты всему дому голова — тебе голова.

Потом отрезал задок, подаёт барыне.

— Тебе, — говорит, — дома сидеть, за домом смотреть — тебе задок.

Потом отрезал лапки и подаёт сыновьям.

— Вам, — говорит, — ножки — топтать отцовские дорожки.

А дочерям крылья.

— Вы, — говорит, — скоро из дома улетите, вот вам по крылышку. А остаточки себе возьму!

И взял всего гуся.

Барин посмеялся, дал мужику хлеба и денег.

Услыхал богатый мужик, что барин за гуся наградил бедного мужика хлебом и деньгами, зажарил пять гусей и понёс к барину.

Барин говорит:

— Спасибо за гусей. Да вот у меня жена, два сына, две дочки — всех шестеро. Как бы нам поровну разделить твоих гусей?

Стал богатый мужик думать и ничего не придумал. Послал барин за бедным мужиком и велел делить. Бедный мужик взял одного гуся, дал барину с барыней и говорит:

— Вот вас трое с гусём.

Одного дал сыновьям.

— И вас, — говорит, — трое.

Одного дал дочерям:

— И вас трое.

А себе взял двух гусей.

— Вот, — говорит, — и нас трое с гусями, — всё поровну.

Барин посмеялся и дал бедному мужику ещё денег и хлеба, а богатого прогнал.

ДОЧЬ-СЕМИЛЕТКА

Ехали два брата: один бедный, другой богатый. У обоих по лошади — у бедного кобыла, у богатого мерин. Остановились они на ночлег рядом. У бедного кобыла принесла ночью жеребёнка; жере-

бёнок подкатился под телегу богатого. Будит он на-
устро бедного:

— Вставай, брат! У меня телега ночью жеребёнка
родила.

Брат встаёт и говорит:

— Как можно, чтоб телега жеребёнка родила? Это
моя кобыла принесла.

Богатый говорит:

— Кабы твоя кобыла принесла, жеребёнок бы
подле был!

Поспорили они и пошли до начальства. Богатый
дарил судей деньгами, а бедный словами оправды-
вался.

Дошло дело до самого царя. Велел он призвать
обоих братьев и загадал им четыре загадки:

— Что всего на свете сильнее и быстрее? Что
всего на свете жирнее? Что всего мягче? И что все-
го милее?

И положил им сроку три дня:

— На четвёртый приходите, ответ дайте!

Богатый подумал-подумал, вспомнил про свою куму
и пошёл к ней совета просить.

Она посадила его за стол, стала угощать, а сама
спрашивает:

— Что так печален, куманёк?

— Да загадал мне государь четыре загадки, а сро-
ку всего три дня положил.

— Что такое, скажи мне.

— А вот что, кума! Первая загадка: что всего
в свете сильнее и быстрее?

— Экая загадка! У моего мужа карая кобыла есть; нет её быстрее! Коли кнутом приударишь, зайца догонит.

— Вторая загадка: что всего на свете жирнее?

— У нас другой год рябой боров кормится; такой жирный стал, что на ноги не поднимается!

— Третья загадка: что всего в свете мягче?

— Известное дело — пуховик, уж мягче не выдумаешь!

— Четвёртая загадка: что всего на свете милее?

— Милее всего внучек Иванушка!

— Ну, спасибо тебе, кума! Научила уму-разуму, по век тебя не забуду.

А бедный брат залился горькими слезами и пошёл домой. Встречает его дочь-семилетка:

— О чём ты, батюшка, вздыхаешь да слёзы ронишь?

— Как же мне не вздыхать, как слёз не ронить? Задал мне царь четыре загадки, которые мне и в жизнь не разгадать.

— Скажи мне, какие загадки.

— А вот какие, дочка: что всего на свете сильнее и быстрее, что всего жирнее, что всего мягче и что всего милее?

— Ступай, батюшка, и скажи царю: сильнее и быстрее всего ветер, жирнее всего земля: что ни растёт, что ни живёт, земля питает! Мягче всего рука: на что человек ни ляжет, а всё руку под голову кладёт; а милее сна нет ничего на свете!

Пришли к царю оба брата — и богатый и бедный. Выслушал их царь и спрашивает бедного:

— Сам ли ты дошёл или кто тебя научил?

Отвечает бедный:

— Ваше царское величество! Есть у меня дочь-семилетка, она меня научила.

— Когда дочь твоя мудра, вот ей ниточка шёлкова; пусть к утру соткёт мне полотенце узорчатое.

Мужик взял шёлковую ниточку, приходит домой кручинный, печальный.

— Беда наша! — говорит дочери. — Царь приказал из этой ниточки соткать полотенце.

— Не кручинься, батюшка! — отвечала семилетка, отломила прутик от веника, подаёт отцу и наказывает: — Поди к царю, скажи, чтоб нашёл такого мастера, который бы сделал из этого прутика кросна¹: было бы на чём полотенце ткать!

Мужик доложил про то царю. Царь даёт ему полтора яиц.

— Отдай, — говорит, — своей дочери; пусть к завтраму выведет мне полтора цыплят.

Воротился мужик домой ещё кручиннее, ещё печальнее:

— Ах, дочка! От одной беды увернёшься — другая навяжется!

— Не кручинься, батюшка! — отвечала семилетка.

Попекла яйца и припрятала к обеду да к ужину, а отца посылает к царю:

¹ Кросна — ткацкий станок.

— Скажи ему, что цыплятам на корм нужно одноднённое пшено: в один бы день было поле вспахано, просо засеяно, сжато и обмолочено. Другого пшена наши цыплята и клевать не станут.

Царь выслушал и говорит:

— Когда дочь твоя мудра, пусть наутро сама ко мне явится ни пешком, ни на лошади, ни голая, ни одетая, ни с гостинцем, ни без подарочка.

«Ну, — думает мужик, — такой хитрой задачи и дочь не разрешит; пришло совсем пропадать!»

— Не кручинься, батюшка! — сказала ему дочь-семилетка. — Ступай-ка к охотникам да купи мне живого зайца да живую перепёлку.

Отец пошёл и купил ей зайца и перепёлку.

На другой день поутру сбросила семилетка всю одежду, надела на себя сетку, в руки взяла перепёлку, села верхом на зайца и поехала во дворец.

Царь её у ворот встречает. Поклонилась она царю.

— Вот тебе, государь, подарочек! — и подаёт ему перепёлку.

Царь протянул было руку, перепёлка — порх — и улетела!

— Хорошо, — говорит царь, — как приказал, так и сделано. Скажи теперь: ведь твой отец беден, чем вы кормитесь?

— Отец мой на сухом берегу рыбу ловит, ловушек в воду не ставит, а я подолом рыбу ношу да уху варю.

— Что ты, глупая, когда рыба на сухом берегу живёт? Рыба в воде плавает!

— А ты умён? Когда видано, чтобы телега жеребёнка принесла?

Царь присудил отдать жеребёнка бедному мужику, а дочь его взял к себе. Когда семилетка выросла, он женился на ней, и стала она царицею.

БАБА-ЯГА

Жили себе дед да баба; дед овдовел и женился на другой жене, а от первой жены осталась у него девочка. Злая мачеха её не любила, била её и думала, как бы вовсе извести. Раз отец уехал куда-то, мачеха и говорит девочке: «Поди к своей тётке, моей сестре, попроси у неё иголочку и ниточку — тебе рубашку сшить». А тётка эта была Баба-яга костяная нога.

Вот девочка не была глупа да зашла прежде к своей родной тётке. «Здравствуй, тётушка!» — «Здравствуй, родимая! Зачем пришла?» — «Матушка послала к своей сестре попросить иголочку и ниточку — мне рубашку сшить». Та её и научает: «Там тебя, племянушка, будет берёзка в глаза стегать — ты её ленточкой перевяжи; там тебе ворота будут скрипеть и хлопать — ты подлей им под пяточки маслица; там тебя собаки будут рвать — ты им хлебца брось; там тебе кот будет глаза драть — ты ему ветчины дай». Пошла девочка; вот идёт, идёт и пришла.

Стоит хатка, а в ней сидит Баба-яга костяная нога и ткёт. «Здравствуй, тётушка!» — «Здравствуй, роди-

мая!» — «Меня матушка послала попросить у тебя иголочку и ниточку — мне рубашку сшить». — «Хорошо; садись покуда ткать». Вот девочка села за кросна, а Баба-яга вышла и говорит своей работнице: «Ступай, истопи баню да вымой племянницу, да смотри, хорошенько; я хочу ею позавтракать». Девочка сидит ни жива ни мертва, вся перепуганная, и просит она работницу: «Родимая моя! Ты не столько дрова поджигай, сколько водой заливай, решетом воду носи», — и дала ей платочек.

Баба-яга дожидается; подошла она к окну и спрашивает: «Ткёшь ли, племянюшка, ткёшь ли, милая?» — «Тку, тётушка, тку, милая!» Баба-яга и отошла, а девочка дала коту ветчинки и спрашивает: «Нельзя ли как-нибудь уйти отсюда?» — «Вот тебе гребешок и полотенце, — говорит кот, — возьми их и убежи; за тобою будет гнаться Баба-яга, ты приклони ухо к земле, и как услышишь, что она близко, брось сперва полотенце — сделается широкая-широкая река; если ж Баба-яга перейдёт через реку и станет догонять тебя, ты опять приклони ухо к земле, и как услышишь, что она близко, брось гребешок — сделается дремучий-дремучий лес; сквозь него она уже не проберётся!»

Девочка взяла полотенце и гребешок и побежала; собаки хотели её рвать — она бросила им хлебца, и они её пропустили; ворота хотели захлопнуться — она подлила им под пяточки маслица, и они её пропустили; берёзка хотела ей глаза выстегать — она её ленточкой перевязала, и та её пропустила. А кот сел

за кросна и ткёт: не столько наткал, сколько напутал. Баба-яга подошла к окну и спрашивает: «Ткёшь ли, племянушка, ткёшь ли, милая?» — «Тку, тётка, тку, милая!» — отвечает грубо кот.

Баба-яга бросилась в хатку, увидела, что девочка ушла, и давай бить кота и ругать, зачем не выцарапал девочке глаза. «Я тебе сколько служу, — говорит кот, — ты мне косточки не дала, а она мне ветчинки дала». Баба-яга накинулась на собак, на ворота, на берёзку и на работницу, давай всех ругать и колотить. Собаки говорят ей: «Мы тебе сколько служим, ты нам горелой корочки не бросила, а она нам хлеба дала». Ворота говорят: «Мы тебе сколько служим, ты нам водицы под пяточки не подлила, а она нам маслица подлила». Берёзка говорит: «Я тебе сколько служу, ты меня ниточкой не перевязала, она меня ленточкой перевязала». Работница говорит: «Я тебе сколько служу, ты мне тряпочки не подарила, а она мне платочек подарила».

Баба-яга костяная нога поскорей села на ступу, толкачом погоняет, помелом след замечает и пустилась в погоню за девочкой. Вот девочка приклонила ухо к земле и слышит, что Баба-яга гонится, и уж близко, взяла да и бросила полотенце: сделалась река такая широкая-широкая! Баба-яга приехала к реке и от злости зубами заскрипела; воротилась домой, взяла своих быков и пригнала к реке; быки выпили всю реку дочиста. Баба-яга пустилась опять в погоню. Девочка приклонила ухо к земле и слышит, что Баба-яга близко, бросила гребешок: сделал-